

— Крестик крестильный надо всегда на груди носить, — наставительным бабушкиным тоном проговорила Маша, и ещё что-то хотела добавить, но Ваня её перебил.

— Мы вот здесь стояли, — показал он на место рядом с покрытой чистым холстом серебряистой купелью. — Священник...

— Батюшка, — поправила Маша.

— Ага, батюшка, — легко согласился Ваня. — Он молился о нас, просил Бога изгнать из нас всякого лукавого и нечистого духа, гне... гне... гнездящегося в сердце.

— А потом, — торопливо затараторила Маша, — мы все проговорили три раза: «Отрекаюсь сатаны и всех дел его». Вот!

— Да помню я, — рассердился Ваня. — Я ещё бабушку спросил тогда: «Сатана — это кто?», а она говорит: «Злой дух, вселяющийся в людей». Выходит, во мне, пока я не крестился, злой дух был, а крещением его изгнали. А потом батюшка нас в купели кунал с головой...

— Целых три раза, — уточнила Маша.

— Ага, три раза, — подтвердил Ваня. — Надели потом на меня белую рубашку, крестик на шёлковом шнурке, и все поздравляли, будто у нас с Машкой день рождения.

— Вань, — перебила брата Маша. Она заметила торчавший из Ваниного кармана фантик. — Вань, дай конфетку.

Ваня протянул Маше карамельку в липкой красной бумажке, достал из кармана другую, собираясь разделить её с Серёжей, — конфетка была последней, но Маша выхватила у брата вторую карамельку и кинулась бежать по лесенке вверх, на леса. Она ловко карабкалась по крутым ступенькам, легко перескакивала с одного деревянного мостка на другой, успевая весело кричать:

— Не догонишь! не догонишь!

— Ну и сиди там, — разозлился Ваня. — Посмотрим, как ты слезать будешь.

Маша, впервые глянув себе под ноги и поняв, как высоко её занесло, замерла от страха и тоненько, дрожаще запросила:

— Ва-ань, спусти меня обратно, а то я боюсь! Я больше не буду, Ва-ань! Я тебе за это все конфетки отдам, и ещё дома дам!

— Вот-вот, посиди там, подумай. Посидишь часок-другой, может, ума наберёшься.

— Сними, Ва-ань, я больше не буду так делать, я тебя всегда-всегда буду слушаться. Правда-правда, всегда-всегда! — жалобно повторила Маша.

Серёжа не выдержал:

— Полезли. Снимем.

— Ну да, — Ваня был настроен решительно. — Ты думаешь, она хоть чуточку поняла? — И громко, чтобы слышала сестрёнка, добавил: — Пускай посидит, может, помнеет. А то совсем распустилась, ишь, — Ваня незаметно для себя перешёл на бабушкин распевный говор, — никого слушать не хочет, ни старого, ни малого, сама себе сельсовет.

Серёжка не выдержал и прыснул. Ваня погрозил ему кулаком: не порть, мол, воспитательный процесс.

Чтобы потянуть время и хорошенько попугать сестрёнку — будет знать в другой раз, как себя вести! — Ваня подошёл к одной из завешенных икон, осторожно отогнул край полотна и замер. Икона светилась. Алыми, лазоревыми, золотыми красками рассказывала она, как в маленьком городке Вифлееме, ночью, в пещере, у Пресвятой Девы Марии родился Младенец — Сын Божий Иисус Христос. Спелёнутый Божественный Младенец лежал

в яслях, куда кладут сено, — другого места для Богомладенца не нашлось. Пресвятая Богородица с тихой радостью смотрела на Сына. «Рождество Христово» — красивыми старинными буквами выведено было наверху иконы.

Пещера в скале, грубо сколоченные деревянные ясли — убог и беден приют пришедшего на землю Сына Божия. Но вокруг его колыбели стояли огнекрылые ангелы, и свет, исходящий от их крыльев, от золотых нимбов, осенявших их прекрасные головы, делал пещеру маленьким царским чертогом.

Ваня и плотно прижавшийся к его плечу Серёжа не могли оторвать глаз от этой чудной, тёплым сиянием лучившейся иконы. Они забыли про дождь, сильно и настойчиво стучавшийся в высокие окна под сводами, не слышали Машиного голоса, тоненько и жалобно звавшего сверху.

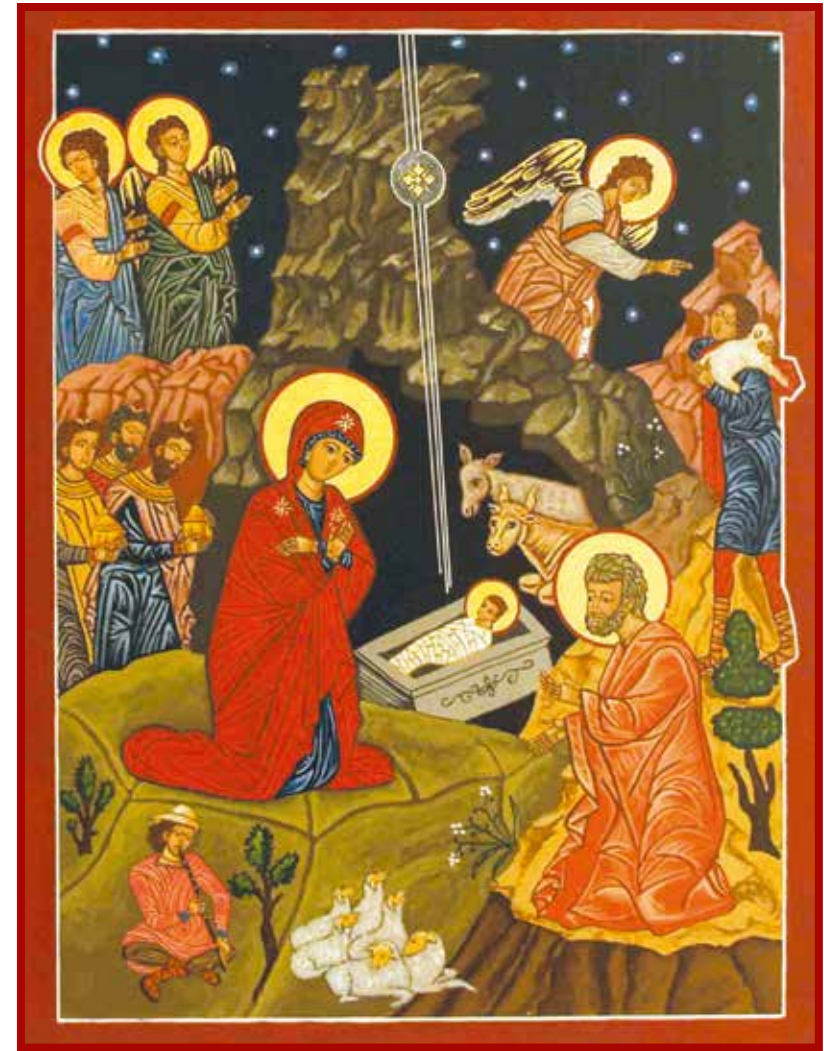
— Вань, — неожиданно даже для себя Серёжа перешёл на шёпот, — ты веришь, что всё так и было, как здесь нарисовано? Может, это сочинил кто, придумал? Может, нет на свете никакого Бога, и Иисуса Христа никогда не было?

— Может, и не было, — эхом отозвался Ваня, он не мог оторвать глаз от иконы, но тут же спохватился. — А кто ж тогда всё так хорошо устроил: и горы, и леса, и небо, и свет. А человек откуда взялся?

— Человек? — Серёжа заметно растерялся. — Человек от обезьяны, — вспомнив школьные уроки, заученно, но неуверенно добавил мальчик.

— От обезьяны?! — Ваня возмущённо фыркнул. — Спасибо превеликое за такого родственничка! Лучше буду сиротой!

— А смерть? — спешно спросил, как выдохнул, Серёжа. — Зачем Бог придумал смерть?

Рождество Христово

— Смерть? — теперь уже растерялся Ваня. Год назад умерла соседская девочка. Умерла в три дня от скарлатины. Вспомнил Ваня, как кричала тогда её мама, обхватив

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий с азбукой

гробик дочери: «За что, Господи, за что?!» Славная была девчонка, маленькая, беленькая, улыбочивая, с косичками и веснушками.

Не было у Вани ответа на Серёжин вопрос. Не зная, что сказать, он вдруг показал рукой на висевшую рядом икону.

— Смотри, азбука!

Икона была огромной. На ней в полный рост стояли два строгих человека в длинных монашеских одеждах, со свитками в руках. На одном из свитков красиво прописано **Ѧ, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ъ, Ю, Я, Ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѭ, Ѧ, Ѩ, Ѫ.**

— Это не русская азбука, — помотал головой Серёжа. — Гляди: вот закорючка какая-то. А это что — **Г** — палочка и всё. А вот ещё, гляди, какая толстая, широкая **Ѣ**. Не-е, это не наши буквы!

— Да наши это, наши, они только не сегодняшние, — затормошил друга, заторопился с объяснениями Ваня. — Это же церковнославянские буквы! У бабушки книжки есть, по которым она молитвы читает, она мне как раз эти буквы показывала. Точно! Такая азбука называется *кириллица*, это старинный алфавит, он ого-го насколько старше нашего. Может как дедушка, даже нет, наверное, как прадедушка, а может и того старше, в общем, предок нашему алфавиту. Все наши сегодняшние буквы родом из кириллицы. У всех букв этих имена есть. Гляди...

Ваня стал водить пальцем по иконе.

— Букву **Ѧ** зовут *Ѧзъ*, букву **Б** — *вѢки*, букву **В** — *вѢди*...

— Аз, буки, веди, — повторил Серёжа. — Красиво! Как стихи...

— Смотри дальше, — Ваня ткнул пальцем в странные значки **Ѣ** и **Ѥ**. — Ни за что не догадаешься, как они называются.

— Вот эта на твёрдый знак похожа, — неуверенно предположил Серёга.

— Верно, молодец! — похвалил Ваня друга. — И я тоже так считал. А вторая на что похожа?

— На **А** с хвостиком, — рассмеялся Серёжка.

— На **А** с хвостиком! Вот здорово! — захохотал Ваня. — На **А** с хвостиком! Точно!

— А если серьёзно? — переспросил Серёжа.

— Если серьёзно, то буква **Ѧ** называется «ять», её читают как **Е**. Гляди!

Ваня отыскал в свитке, который держал на иконе монах, слово **ѡѦра**, написанное через **ѡ**, потом **дѡло**, **грѡшный**.

— Ну а **А** с хвостиком как называется? — Серёжа ткнул пальцем в **Ѧ**.

— Кажется, это какой-то «юс малый», вроде его вместо буквы **Я** писали.

— Смотри-ка, точно! — воскликнул Серёжа. Он отыскал в свитке слова с буквой «юс малый». Она и вправду заменяла букву **Я**. — **Ѧрѡма**, **землѡ**, **ѡма**, — громко читал Серёжа, очень довольный собой, и, желая закрепить успех, стал быстро водить пальцем дальше, высскивая ещё слова с доселе неизвестным ему таким смешным хвостатым «юсом малым». Но тут же споткнулся и растерянно оглянулся на Ваню. — Погоди-ка, как же так, — остановил он палец возле найденного слова. — Смотри, какое-то странное **Ѧ**, и тоже вместо буквы **Я** читается: **ѡма**, **ѡма**.

— Надо же, — растерялся Ваня, — действительно, странно как-то получается, — бормотал он, что есть силы всматриваясь в буквы, что-то они ему напоминали, он точно видел их прежде, и вспомнил-таки Ваня давнишние бабушкины объяснения. — Совсем забыл! В кириллице много двойных букв! Буквы-двойняшки. Они означают одно и то же. Например, **Ѧ** и **Ѧ** — двойняшки, они обе как **Ѧ**. Смотри.

Вдвоём они быстро отыскивали **ѡма**, **ѡма**, **ѡма**, **ѡма**.

— А вот ещё буквы **Ѧ** и **Ѧ**, тоже двойняшки, как **Ѧ**, — продолжал Ваня, переходя от одной фрески к другой.

— Ага! Вот **Ѧма**, а вот **Ѧма**, — радовался находкам Серёжа.

— Буквы **Ѧ** и **Ѧ** тоже двойняшки, наше **Ѧ**.

Ваня сам удивлялся, как легко и быстро вспоминается рассказанное бабушкой. Вот так бы уроки в школе запоминались, думал он, а то учишь, учишь, и куда что девается, точно вода из худого ведра.

В подтверждение сказанному Ваней Серёжа тут же находил **ѡма**, **ѡма**, **ѡма**.

— А вот буква **Ѧ**. Её в нашей азбуке пишут двумя способами, не сразу и узнаешь, в начале слова **ѡма**, а в серединке и в конце — **Ѧ**, — продолжал вспоминать Ваня.

Рассказанное и показанное когда-то бабушкой вспоминалось, как только что хорошо выученный урок.

Серёжа тут же, бродя вдоль стены, проверял сказанное Ваней: **ѡма**, **ѡма** были написаны через **ѡма**, а **ѡма**, **ѡма** — через **Ѧ**. Попутно Серёжа открыл, что буква **Ѧ** в начале и в середине слова выглядит по-разному. В начале слова она большая, широкая — **Ѧ**, а в конце слова и в середине — маленькая и узкая — **Ѧ**.

— **Ѧма**, — читал Серёжа, — **Ѧ** маленькая, а **Ѧма** — тоже **Ѧ**, но смотри, какая большая. — И тут же споткнулся.

— Вань, а чего они тут твёрдых знаков поставили? Смотри, **Ѧ** с твёрдым знаком, вот **Ѧма**, а ему-то вообще твёрдый знак ни к чему. Может, художник чего напутал, а может, ему просто твёрдый знак нравилось рисовать, — смеясь, предположил Серёжа.

И опять Ваня удивился, как легко вспомнился бабушкин урок.

— Все слова, которые оканчиваются на твёрдый согласный, пишутся с твёрдым знаком — такое уж в церковнославянском языке правило: **Ѧма**, **Ѧма**, **Ѧма**.